

— Абсолютно точно. Если бы телевидение отражало реальность, а не создавало параллельную, оно бы работало именно по этому принципу.

Телеканал «Дождь» пытался работать по такой схеме. Его признали оппозиционным и на время даже перекрыли вещание.

— Проблема «Дождя» в том, что он сразу стал ангажированным. Как только нас ангажируют, так проект тут же умрёт. Это то же самое, как делать заказной фильм, только про то, что хочет видеть плательщик.

Наш проект никто не финансирует, и это прекрасно. Мы каждый раз организуем новую бригаду: свистнули — кто заинтересовался, тот и поехал с нами. Литературный мэтр Вячеслав Николаевич Запольских ездит с нами, потому что ему это интересно. Ездят школьники и студенты со своим руководителем. Собирается от пяти до 10 человек, которые друг друга понимают и комфортно работают вместе.

Каким образом вы выбираете очередную территорию для съёмок?

— Едем, куда зовут. С 2010 по 2014 год было снято 20 фильмов, потом случился длительный перерыв, и вот недавно съездили в Киштерть по приглашению местной библиотеки, которая выиграла грант. Дело в том, что в Кунгуре я проводил мастер-класс для библиотекарей, и кто-то взял на заметку упомянутый мною проект.

Для того чтобы снять «Я здесь живу», денег не надо. Средства нужны на транспорт, чтобы нас довезли до места и увезли обратно в Пермь. В гостинице нам жить неудобно, потому что там все разобщены по номерам. Нам для работы нужно общее пространство. Поэтому в Пожве нас поселили в актовом зале местной администрации, а в Чёрмозе — в музее. Хорошо, если корят. Поэтому нет ангажированности.

Жители Перми в большинстве своём имеют весьма слабое представление о том, как живут люди за пределами столичного города. А на самом деле как? Есть вещи, которые лично вас поразили, удивили?

— Лично для себя я не открыл ничего нового. У меня нет барьера «зам-

кадья». Мы с женой вообще ни разу не были за границей. Не возникает такой мысли. Вся наша жизнь происходит в Перми и крае, нам здесь комфортно. Сюрпризы возникают для молодых людей, которые живут в Перми и однажды выбираются за городскую черту. Их просто шокирует то, что это иное вообще существует.

ОСТАЮТСЯ САМЫЕ
УШЛЫЕ И ЦЕПКИЕ И ТЕ,
КОМУ НЕКУДА БЕЖАТЬ.
ДЛЯ ВЛАСТИ
ОНИ НЕ СУЩЕСТВУЮТ,
ДА И ВЛАСТЬ ДЛЯ НИХ —
ТОЖЕ

Жизнь Прикамья образца 1981 года и 2016 года сильно разнится — по устройству, по ценностям, по настроению, по качеству, наконец?

— То поколение, которое не приспособилось к новой, постсоветской жизни, вымерло. Остались лишь те, кто смог как-то приспособиться к изменившимся реалиям. Люди знают, что собой представляет место, где они живут, и понимают, какие у них перспективы, — есть они вообще или нет. Во многих территориях края работы нет и жители вынуждены промышлять вахтовым методом. При этом они чётко осознают, какие ходы и возможности могут использовать. Мужики с руками ездят на север, на стройки, зарабатывают там и привозят деньги домой.

По сравнению с началом — серединой 1980-х годов население краевых территорий сильно сократилось, новой инфраструктуры почти не создано. Молодёжь уезжает. Происходит процесс вымирания жителей Пермского края. Мы снимали «Я здесь живу» в довольно крупных населённых пунктах: в Верещагино, Александровске. А из маленьких посёлков, где проводились съёмки, был Бымок Кунгурского района, где живут 500 человек. Оказались мы там тоже неспроста, потому что нас тогда с нашим детским кинолагерем из Кунгура выгнали. Свободные времена закончились, теперь, чтобы организо-

вать и провести детский лагерь, требуется куча бюрократических согласований и денег. Никто не хочет брать на себя ответственность. В Бымок мы направились по рекомендации главы Кунгурского района Вадима Лысанова, который родом оттуда. В 1930-е годы там существовала коммуна, и с тех пор люди живут. Мы остановились возле местного дома культуры, зашли и сразу же натолкнулись на тётяньку, красивую потолок. Говорим: «Нам бы директора». Она: «Я директор». В общем, разместила она нас в школе, здание которой в 1990-е построили нефтяники, до того как уйти из территории. Оно замечательное, и люди замечательные. Мы тогда провели в Бымке наш кинолагерь «Снимается кино», а потом сняли и «Я здесь живу». Выяснилось, что люди в Бымке живут тем, что берут из детдома сирот на воспитание. Много семей специализируется на этом, выживают благодаря этому. Другой вопрос, что людей там всё равно остаётся всё меньше и меньше.

Одна из ключевых мыслей, рождённых в процессе езды по городам и весям Пермского края, — это то, что самое дорогое сейчас — это не нефть, а чистая вода и воздух. Этих ресурсов в России становится всё больше, потому что населения — всё меньше. С периферии все, кто может уехать в большие города, уезжают. Остаются самые ушлые и цепкие и те, кому некуда бежать. Люди очень радуются, когда мы приезжаем снимать кино. На них ведь никто не обращает внимания. Везде уже есть интернет, люди знают, что происходит в информационном пространстве, но не являются его частью. Для власти они не существуют, да и власть для них — тоже. Живут сами по себе.

В последние годы власть активно педалирует тему туристической привлекательности Пермского края, тратит на разные проекты бюджетные деньги. В реальности что-то происходит — инфраструктура появляется, толпы туристов бродят, территории зарабатывают на этом?

— Местные ребята строят турбазы, принимают гостей. Всё это обрастает сопутствующими бизнесами. При этом всё базируется на частной инициативе.